

Kennedy A. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr Hyde / A. Kennedy // 100 Best Scottish Books of all time. Scotland's Best Bopoks: Edinburgh, The List Ltd, 2005. P.47.

Phillip I. Blurring the Edges: Fantasy, Reality and the Fantastical Realism of Alasdair Gray / I. Phillip. Aberdeen, 1997. P.15 – 22.

Saltire Self-Portraits 4. Alasdair Gray. Edinburgh. 1988.

© Романова Т.Н., 2009

Е.А. Шаравьев

Герменевтика современности

Не столь давно завершившийся XX век, каким бы противоречивым и насыщенным различнейшими событиями он ни был (или ни казался бы нам ввиду нашей непосредственной в него вовлеченности), это, прежде всего, век человека. Во-первых, это связано с ростом благосостояния индустриального и постиндустриального обществ: делая ставку на массового покупателя и стремясь вовлечь в потребительские отношения все большее число людей, рынок в целом и отдельные его участники вынуждены отказаться от навязывания потребителю товаров и услуг, разработанных отдельными людьми по только им понятным критериям, и перейти к созданию товаров такими, какими их желает (или, что представляет собой ещё более трудноразрешимую задачу, пожелает) видеть сам потребитель. Это касается не только тяжелой, легкой, пищевой и т.д. отраслей промышленности, но и культурной и духовной сфер жизнедеятельности общества, которые с ростом благосостояния (что не в последнюю очередь связано с наличием у людей свободного времени) также подвергаются 'массовизации', вследствие чего становятся потенциально прибыльными (чего не было никогда ранее) и их развитие отныне направляется и регулируется consumer-oriented¹⁰ подходом. Человек в XX веке получает возможность не только регулярно и в значительных количествах потреблять продукты труда других людей, но и диктовать, исходя из своих личных желаний, какими эти продукты должны быть.

Необходимость учитывать желания и интересы потребителя, а также и просчитывать динамику их изменения послужила основным толчком к развитию множества областей научного знания: психологии и социологии, с одной стороны, и всего спектра инженерно-технических, сельскохозяйственных, медицинских (хирургических, фармакологических и т.д.) и проч. знаний. Рациональное научное познание в XX веке – это уже не служанка богословия эпохи Средневековья, не идеализированный путь достижения всеобщего блага эпохи Просвещения и не средство личного обогащения или предмет проявления филантропических чувств отдельных

¹⁰ Consumer-oriented (англ.) – досл. 'направленный на потребителя', т.е. в первую очередь учитывающий пожелания потребителя

капиталистов индустриального общества; наука XX века не нуждается в обосновании своего права на существование, она вполне четко знает сферу и предмет своих исследований и не претендует на обеспечение всеобщего благоденствия; она развита, систематизирована, институционализирована и направлена в конечном итоге на изучение, формирование, изменение и удовлетворение потребностей как можно большего числа людей.

Не избежала этой общей тенденции «очеловечивания» познания и философия, в центре внимания которой оказывается человек (взятый сам по себе, в каком-либо отдельном аспекте своей жизнедеятельности, либо рассматриваемый во всем многообразии его связей с обществом, и/или природным миром), который целенаправленно изучается таким, каким он есть здесь и сейчас (что, разумеется, не исключает возможности рассмотрения всего предшествующего развития и потенциалов к развитию последующему), а не каким он должен быть, что свойственно фактически всем предыдущим эпохам. Марксизм, феноменология, экзистенциализм (прежде всего его атеистический вариант), прагматизм, неопозитивизм, герменевтика, постмодернизм – все эти и другие философские школы и течения, зародившиеся и/или получившие бурное развитие в XX в., объединяет интерес к реальному человеку и/или обществу, а также аргументация своих умозаключений по принципу ‘так есть’ (т.е. ссылаясь на действительные явления, на практику), а не ‘так было’ (по аналогии с прошлым) или ‘так должно быть’ (воззвание к морально-нравственным идеалам). Но именно в этом обращении к повседневному опыту (рациональному и иррациональному; познавательному, эмоциональному и волевому) отдельно взятого человека во всевозможном многообразии обстоятельств, условий, характеристик и результатов его (опыта) протекания и таились предпосылки проблемы, которая к концу XX в. переросла, по своей сути, в кризис – кризис относительности, прежде всего, относительности гносеологической и аксиологической, но более фундаментально – относительности онтологической.

Основная гносеологическая проблематика XX в. – это уже не доказательство возможности рационального познания как такового (тесная связь науки с производством демонстрирует слишком уж явные и многообразные плоды познания для отрицания самой возможности последнего), а вопросы о том, **что** мы познаем и можем познать (нечто, существующее объективно, независимо от сознания? только конструкторы самого сознания? а если и то, и другое – как это связано?) и **как** мы это познаем (соотношение рационального и иррационального в познании; природа мыслительной деятельности и её связь с ощущениями). Понимание обусловленности любого познания присущими конкретному мыслителю (или их группе) предпосылками личностного и социокультурного характера приводит к аксиологической проблематике осознанного выбора ценностей и соответствующей им модели поведения. Все это отражает более глубинную онтологическую проблематику многообразия мировоззрений (которая превращается в серьезную проблему при проживании в условиях

непосредственного взаимодействия данного многообразия на физическом, социальном, политическом, экономическом, культурном и др. уровнях).

Единственное претендующее на всеобщность решение, распространившееся на уровне мировоззрения по всему миру, было предложено постмодернизмом – явлением, ставшим кульминацией философского и общекультурного развития общества во второй половине XX в. – и заключается оно, по сути, в возведении относительности в ранг руководящего принципа бытия и мышления. Гносеологически такое решение крайне продуктивно, поскольку побуждает если не уважать любые мысли, идеи, гипотезы, направления исследований и т.п., то, по меньшей мере, не лишать их права на существование. Однако аксиологическая составляющая данного решения такова, что все это многообразие характеризуется обособленностью, замкнутостью в себе¹¹, поскольку постмодернистское мышление не предоставляет абсолютно никакого основания для стремления к объединению.

Зародившись как отдельная область философской науки в XVIII – XIX вв. в связи с работами Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, как определенный тип философствования со своим объектом, целью, правилами и т.д. – на заре становления христианства, а как способ мышления, заключающийся, по существу, в осознании сознательного опыта, уходящий в глубину веков, герменевтика, как и постмодернизм, потенциально обладает возможностью решения проблемы многообразия, поскольку это скорее способ мышления, нежели чем конкретная теория, однако (и в этом заключается её принципиальное отличие от мышления постмодернистского типа) всевозможные явления культуры являются для герменевтики не просто фактом для констатации (с возможной последующей деконструкцией смысловых ассоциаций, возникающих у индивида при столкновении с ними), а объектом исследования. Основанием для этого служит обращение герменевтики к изучению понимания как фундаментального, подлежащего и познанию, и деятельности феномена психики, в своем протекании не только отражающего мельчайшие уникальные свойства индивида, но и необходимо, вследствие определенной общности его предпосылок, обусловленной, в свою очередь, общностью физиологических, психологических и социокультурных условий их формирования, подчеркивающего связь данного индивида с другими людьми, их объединениями и культурой в целом.

Ключевым аспектом данного решения является определение именно того, чем обусловлено понимание, поскольку это непосредственно влияет как на рассмотрение процесса его протекания, так и на формулирование его связи с познанием в частности и деятельностью человека вообще. Однако традиционно выделяемые условия понимания – ‘язык’, ‘традиция’, ‘пред-рассудки’ и ряд других – помимо всей своей неоспоримой значимости, имеют и два существенных недостатка: во-первых, все они содержательно формируются без

¹¹ Ср. даже на обыденном уровне споры зачастую завершаются ставшими уже почти сакраментальными фразами: «Это лишь твое/мое мнение», «Все люди разные», «О вкусах не спорят» и т.д.

участия человека, который их лишь усваивает и впоследствии вынужден 'использовать' (разумеется, при этом они претерпевают некоторые изменения, однако последние слишком незначительны, чтобы говорить о какой-либо активности человека); во-вторых, все они словно образуют отдельную сферу психики человека, порождая тем самым вопрос об их связи с другими психическими структурами.

Принципиальной особенностью проблемы понимания является её универсальность, которая заключается в том, что понимание пронизывает все сферы человеческой деятельности в целом и отдельные её аспекты в частности, в том числе и мета-мышление, рефлекссию над мышлением (что фактически означает, что создание собственно герменевтической теории понимания требует метамышления 'в квадрате', осмысления самого метамышления). Основным преимуществом герменевтики при изучении данной проблемы является то, что все остальные существующие на сегодняшний день философские школы и течения изначально несут в себе определенный мировоззренческий 'багаж' (выражающийся в понятиях, категориях и принципах; онтологических, гносеологических и аксиологических положениях; социальных, экономических и политических убеждениях и т.п.), что неизбежно приводит к установлению более или менее жесткого, четко очерченного 'горизонта понимания'. И дело даже не в его потенциальном объеме, а в том, что самим фактом своего существования такой горизонт понимания подчеркивает, что он является лишь одним из возможных горизонтов и как таковой не способен в полной мере отразить и охватить все остальные. Герменевтика же, по крайней мере относительно её развития в XXв., является скорее способом мышления, основным руководящим принципом которого является принцип открытости к другому, инаковому, методический инструментарий которого может, по мере надобности, заимствоваться из самых разных научных течений. При таком подходе герменевтика представляется наиболее подходящим средством, способным и методикой рассмотрения феномена понимания, поскольку единственным предшествующим собственно познанию положением является утверждение существования понимания.